

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Точную дату основания Тигильского острога найти довольно трудно, впрочем и точное его месторасположение, так как основывался он тем или иным образом неоднократно (как опорный пункт, как перевалочная база на пути с реки Камчатка в Якутск и Анадырь и т. п.). Степан Крашенинников пишет, что острог этот начали строить уже после его (Крашенинникова) посещения Камчатки. Но цели его основания известны точно:

во-первых, — чтобы держать в подчинении бунтующих порой коряков;

во-вторых, — чтобы проложить из Тигиля дорогу вокруг Охотского моря в Охотск;

и в-третьих, — чтобы в необходимых случаях защищать оленных коряков от постоянно разоряющих их чукчей.

Известно, что до основания казаками Тигильского острога на реке Тигиль были поселения коряков и камчадалов. Главным из них был Кульвауч, расположенный в шести верстах выше устья Напаны. Тойон этого острожка Нутевей во время путешествия Крашенинникова считался начальником всех тигильских жителей.

Ниже устья Напаны, в семи верстах от нее, на северном берегу Тигиля был расположен корякский острожек Айпра, а в 22 верстах от Айпры вверх по течению — острожек Мыжолг. Здесь жили служилые люди, приставленные сторожить стадо казенных оленей (были, оказывается, в ту пору и такие!). Именно это место и считалось наиболее удобным для основания русского острога. Современный Тигиль, вероятно, расположен именно на этом или вблизи этого места.

Месторасположение Тигильского района в его нынешних границах в те далекие годы имело огромное значение. Это доказывает и тот факт, что казаки любыми средствами, даже неся большие потери, пытались удерживать свои опорные пункты — остроги на реках Тигиль, Палана, Лесная. Эти остроги были не только перевалочными базами на пути в Якутск из столицы Камчатки Нижне-Камчатска, но и фактором, удерживающим коряков от нападения на караваны.

Кроме всего прочего, и это отмечают историки, остроги на Лесной и Палане также защищали и самих коряков от чукчей, постоянно их разоряющих.

Поход на Камчатку Атласова и его сообщения о количе-

стве собранного ясака привлекли внимание к Камчатке не только самого Петра I, но и многочисленных промышленников и торговцев, жаждавших обогащения. Тем более, что в Томском, Мангазейском, Енисейском уездах и в Якутии соболиные угодья в результате хищнического к ним отношения к тому времени были практически разорены. И русский люд хлынул на Камчатку по пути, проторенному казаками.

Каким образом добирались до Камчатки? На собаках ехали из Анадыря до Пенжины, где строили кочи. По Пенжине на кочах спускались в Пенжинскую губу и вдоль берега плыли по морю до устья реки Тигиль. Тигильский острог и был той перевалочной базой, на которой кончался морской водный путь.

Другой путь был на восточное побережье в Карагу. Проходил он по воде через реку Лесную, по которой поднимались в ее верховье и оттуда переваливали на реку Карагу. От верховьев Караги до ее устья со средней скоростью сплавлялись за три дня. Дальше путь лежал по берегу океана до устья реки Камчатки и по ней вверх до Нижне-Камчатского острога.

Первый же путь от Тигильского острога продолжался до верховья Тигиля, откуда переваливали на реку Еловку, по которой спускались до реки Камчатки и дальше, мимо многочисленных камчадалских и казацких острожков — до Нижне-Камчатска. И оба эти пути проходили через территорию нынешнего Тигильского района.

Самым коротким считался зимний путь. Из Нижне-Камчатска (расположен он приблизительно на полпути от Усть-Камчатска до г. Ключи) до Тигильского острога добирались на собаках всего за 10 дней. По дороге путники останавливались в острожках: Камака, Каменном, Харчина, Нефеда, Нютевина, Мыжолке, в старом Шипинском острожке на реке Аманина. А дальше путь лежал в Воямполку, Кахтану, до Пяти Братьев близ Паланы, в Кинкиль, Лесную и Подкагирную. Путь был нелегким, но его освоение приносило и свои преимущества: в корякские стойбища и ительменские острожки завозились медные котлы, утварь, наконецники для стрел и копий, ножи, иглы, бисер и т. п.

В. ДЖАСОВ.

(Продолжение следует).

НА ПЕРЕПУТЬЕ

(Продолж. Нач. в № 44).

Кроме упомянутых казацких острожков, на реках Тигиль, Воямполка, Палана и Лесная в середине XVIII века существовали и другие острожки и стойбища. Это прежде всего многочисленные корякские стойбища на реке Напана (русское поселение Напана возникло позже).

По реке Тигиль также было несколько поселений коряков — кульвауч (тойон этого острожка Нутевей во время посещения Камчатки С. Крашенинниковым являлся «начальником всех тигильских жителей»), Айпра, Мыжолг, где жили служивые люди, приставленные сторожить стадо казенных оленей (прообраз совхоза «Тигильский»?). Далее вверх по реке стоял острожек Кочха, в котором был убит Лука Морозко.

Кроме этих, на реке Тигиль в разное время существовали и другие острожки: Шипни, Мыллаган, Кенгела, Утинкем, Калауч.

Несколько камчадалских острожков располагались по рекам Сопошная (как ее тогда называли русские) и Хариузовой. Опустевшее поселение камчадалов было и в устье реки Утхолок. А недалеко от устья Утхолока на небольшом скалистом острове, согласно сведениям Крашенинникова, в 1741 году были осажены ко-

ряки, убившие семерых казаков, в том числе среди них матроса из команды Витуса Беринга.

Севернее Тигиля основные поселения оседлых коряков располагались на реке Палане: Верхний, Средний и Нижний паланские острожки. Неподалеку от Нижнего Паланского острожка на крутом яру находился еще один острожек, в котором и был убит упомянутый ранее Иван Харитонов. С тех пор в этом острожке никто не жил.

* * *

Итак, к шестидесятым годам XVIII века практически все коряки были объяснены. Но это не принесло выгод царской казне, так как стоимость ясачной пушнины, поступающей от коряков, не могла окупить содержание казачьих гарнизонов и постройку укрепленных острожков. Поэтому, когда была обеспечена носительная безопасность продвижения ясачных караванов с юга Камчатки на север и далее в Якутию, строительство и укрепление острожков на территории нашего района прекратилось.

В шестидесятых годах правительство Екатерины II, известной своими реформаторскими поисками и экспериментами, ввело некоторые ограничения произвола русской администрации на местах. В резуль-

тате такой реформы, сбор ясака был передан в руки местной зажиточной верхушки — тойонов. Правительство прекратило практику содержания аманатов (заложников) и перешло от индивидуального наложения ясака к обложению ясаком целых родов, семей, селений.

Причем коряки были обложены ясаком по ставкам значительно более низким, чем ительмены. Администрация учла при этом то обстоятельство, что в местах расселения коряков практически не было ценной пушнины. Однако переобложение коряков ясаком по более низким ставкам и привлечение тойонов к сбору ясака не увеличили количества поступающей в казну пушнины. Кроме того, поступление пушнины резко сократилось и в результате сильной эпидемии оспы, вспыхнувшей в конце 60-х годов, когда коряки, особенно на севере округа, вымирали порой целыми стойбищами.

Вспышки оспы и распространение венерических заболеваний в гарнизонах казачьих острогов вызвали и необходимость строительства первых на Камчатке больниц. В 1817 году губернатор Камчатки капитан П. И. Рикард распорядился начать строительство больниц в Тигиле и Мильково.

В. ДЖАСОВ.

(Окончание следует).

НА ПЕРЕПУТЬЕ

(Оконч. Нач. в №№ 44, 45).

То обстоятельство, что количество поступающей в казну ценной пушнины резко сократилось, сыграло и свою положительную роль. Во-первых, на полуостров перестали прибывать в большом количестве люди, желающие лишь одного — личного обогащения, а освещенные казаки стали искать и другие средства для своего существования, кроме охоты. Так на Камчатке начался период зарождения земледелия и скотоводства. Коряки и ительмены именно с этого периода перестали питать к пришельцам откровенную враждебность и постепенно начали с ними сближаться, перенимая их образ жизни, элементы обычаев и культуры.

В 1840 году на Камчатке начала действовать духовная миссия, большинство оседлых групп коряков были крещены. В Лесной, Кинкиле, Палане, Кахтане и Воямполке были свои часовни, а в Палане была построена своя церковь. Почти все без исключения оседлые коряки к тому времени свободно изъяснялись по-русски, жили в рубленых избах с окнами и печами с трубами. У некоторых семей появились свои лошади и коровы, понемногу они стали выращивать картофель, капусту, свеклу, но больших успехов в овощеводстве, впрочем, не было достигнуто.

В 1867 году ликвидируется Российско-Американская компания, и Аляска была продана США. После этого правительство России теряет интерес к Камчатке как к стратегическому и транзитному пункту на пути в Русскую Америку. Вместе с тем с прекраще-

нием монополии торговли Российско - Американской компании и на Дальнем Востоке возникло множество мелких торгово - промышленных обществ и компаний, конкурировавших между собой. Все они в основном вели скупку пушнины у населения.

Но Камчатка по-прежнему остается зоной, добыча пушнины в которой к тому времени почти иссякла, а земледелие и скотоводство еще не окрепли. Других факторов, влиявших бы на развитие территории, еще не было, хотя об огромных запасах рыбы в ее реках известно было давно. Но рыба вылавливалась исключительно в целях прокормления местного населения и ездовых собак.

В 1896 году «Русское товарищество промысловых котов» впервые организовало промышленный лов рыбы на Камчатке. В это же время в Охотском море появились многочисленные японские рыбопромысловые шхуны. Старейшие жители района, наверное, еще помнят, как японцы перекрывали своими неводами устья рек Сопочная, Ковран, Хайрюзова, Тигиль, Воямполка...

Местная администрация особого беспокойства по этому поводу еще не высказывала, хотя проход рыбы вверх по рекам, туда, где располагались основные поселения аборигенов, резко сократился. В 1883 — 1886 годах население Камчатки испытало голод, а 1896 — 1898 годы принесли жесткую эпидемию инфлуэнции, сократившей число жителей поселений почти наполовину.

В. ДЖАСОВ.